

В жажде бурь не проморгайте попутный ветер!

30 января «Независимая газета» опубликовала тезисы доклада Александра Янова, прочитанного им в Институте философии в Москве. Публикация вышла под названием «Россия перед бурей», и уже сам утвердительный заголовок указывает на то, чего следует ждать. Впрочем, бури (со дня на день) мы и без того ждем, не один месяц, не один год. Апокалиптический характер российского (бывшего советского) человека, будь то радикал-консерватор или радикал-демократ, заставляет не только ждать этой самой бури, но и жаждать ее, а у кого есть возможность — провоцировать.

Это не нонсенс: именно социальные потрясения (читай: «бури») помогали отечественным политикам максимально реализовать себя. Всякий раз, когда над «новорожденной российской свободой сгущаются тучи», трибуны, эфир (в основном телевизионный) и прессу заполняют герои чрезвычайки. Напротив, когда ситуация близка к стабильности — этих «героев» не видно, да и не слышно. Набив руку на борьбе с «тоталитаризмом», «большевизмом», а еще до того — с «командно-административной системой», создав себе имя, они сами стали неотъемлемой частью этой самой Системы и, кажется, уже не могут жить без нее. И как раньше Система кровно нуждалась в воспроизводстве чрезвычайных ситуаций для поддержания своего существования, так, скажем, Глеб Якунин или Илья Заславский нуждаются в воспроизводстве и поддержании у своей паствы страха перед Системой. Только в этом случае их порыв будет услышан и «социальный заказ» на них будет востребован. Потому, кстати, и Эдуард Шеварднадзе заявляет французам, что «опасность диктатуры сейчас грознее, нежели в августе». (Поистине: *«И вечный путч, покой им только снится»*.)

Невольными сторонниками перманентных перемен являются и большинство российских обывателей, не обремененных ни собственностью, ни даже правами на нее. Для них, иждивенцев, смена государственных деятелей, правительств, политических курсов и социальных доктрин — единственная неугасающая надежда на хоть какое-то улучшение. И чем чаще такая смена — тем для них лучше, тем больше надежд, хороших и разных.

О том, что «Россия перед бурей», — можно услышать сегодня в различных аудиториях самых разных политических направлений. О «буре» говорят Кургинян и Руцкой, Татьяна Корягина и Станислав Шаталин и многие-многие другие. Любопытно, что голые прилавки и надвигающаяся гиперинфляция, произвол местных чиновников и развал государственности, нищета и забастовки, разгул преступности и коррупция, межнациональные войны и прямой, на глазах у всех, геноцид одной нации над другой — всё это еще не воспринимается как «буря», но лишь как ее пролог, прелюдия к ожидаемому «девятому валу» российской истории.

Александр Янов предсказывает нам передышку: «Я не думаю, что счет идет на месяцы. Я исхожу из того, что идет он на годы. Что передышка, которую принес стране август, имеет все шансы продлиться по крайней мере до следующих выборов в 1995 году».

Сказанное мотивируется тем, что существующая в стране оппозиция демократическим реформам еще попросту не готова использовать «остроту кризиса для захвата власти». «Покажите мне такую партию в сегодняшней России. Назовите мне лидера, сравнимого с Лениным или с Гитлером... Годится на эту роль возрожденная ВКП(б) во главе с Ниной Андреевой? Или "либеральные демократы" во главе с Жириновским и "патриоты" с Прохановым? Или "Наши" с Невзоровым? Или "Союз" с Алкснисом"? Или ультраправое "народно-социальное движение" с Виктором Якушевым и РКП с Макашовым? Они так же годятся на роль фюрера, — резонно считает Янов, — как Янаев на роль Горбачева».

Действительно: «Нет такой партии!»

Действительно, «эти» — не годятся! Но ведь и Александр Янов не там ищет.

Да, Янаев — не Горбачев и на центральную роль никак не потянул. Но лишь потому, что саму эту роль вычеркнули из сценария. (После чего, кстати, «не потянул» и Горбачев!) Сейчас в цене иные роли. Главная среди них — политический лидер-патриот во вновь возникших суверенных государствах. А здесь уже очевидно, что Джохар Дудаев это не Янаев. И таких дудаевых ведь сейчас внутри России зреет множество, и решают вопросы они не в Москве, то есть не там, где их ищет Янов.

И кроме того, та самая «буря» с апокалиптическим исходом, с российскими сумгаитами, уличными мятежами и голодными бунтами, может произойти не столько от слабости и беспомощности реакционной оппозиции, сколько от непочвенного и, по сути, неоформившегося демократического движения (пока оно не вышло за рамки либерального). А если говорить об институтах власти, то не ограничиваются ли эти институты лишь одинокой фигурой Бориса Ельцина со странной возней вокруг него? Имеющие воображение, представьте на миг, что завтра (а над всеми нами Бог!) его не станет!

Александр Янов сравнивает послевоенную ситуацию в Германии и Японии с тем, что совершилось у нас в России после подавления путча. Оккупационные власти там, в Германии и Японии, считает ученый, «разрушили старый режим и тем самым лишили потенциальных контрреформаторов институциональной поддержки; отдали институты власти в руки новых демократических лидеров; заставили потенциальных контрреформаторов уйти в оппозицию и отняли у них возможность насильственного свержения правительства реформы; поддерживали демократическую оппозицию в её критике ошибок правительства, отнимая таким образом эту решающую функцию у антидемократических экстремистов».

По мнению Янова, все это совершила в России августовская победа. «Она, если угодно, почти целиком исполнила функцию оккупационных властей», — заключает Янов, и с этим можно было бы согласиться, если бы не ряд особенностей.

Во-первых, то было время, когда глобальные планетарные катаклизмы порождались и разрешались достойными их политическими фигурами, когда за одним столом могли сидеть и решать судьбы мира Рузвельт, Черчилль и, извините, Сталин.

Кто из нынешних лидеров и в какой стране может тягаться с ними в масштабности поставленных перед собою и обществом задач? Скорее всего, никто. Напротив, очевидно, что масштаб задач, вставших перед миром и перед Россией после развала СССР, куда значительнее политических деятелей, порой даже не осознающих, о каких собственно задачах идет речь. И это принципиально отличает ситуацию сегодняшнюю от послевоенной.

Во-вторых, если говорить об «августовской победе», то это событие еще мало кем серьезно осмыслено, чтобы определенно утверждать, кому и что эта победа дала. Александр Янов поставил бы под сомнение свои утверждения, если бы смог видеть 19-го утром недоуменные физиономии провинциальных российских номенклатурщиков. Им, беднягам, надо было немедленно вытащить на свет божий нечто «демократическое», чтобы тут же (согласно поступившим «сверху» указам ГКЧП) это «нечто» закрыть, запретить, свернуть и т.д.

А всего через двое суток надо было измениться еще раз и вновь надо было что-то закрыть, запретить, свернуть. (К счастью для номенклатуры, под рукой оказался такой анахронизм, как КПСС. Ее и закрыли!)

«У нас не было переворота, — говорил мне житель провинциальной Елабуги, — нечему было переворачиваться!»

Но там, где не было переворота, не было и победы.

А что было?

Над этим стоит подумать, прежде чем сравнивать нас с послевоенной Германией, в которой гарантом от реставрации национал-социализма служили все же союзнические войска. У нас армия бывшего СССР вызывает противоположные опасения.

В качестве резюме Александр Янов советует «немедленно строить независимую демократическую оппозицию», которая бы, «в отличие от правительства, заботилась о выигрыше войны, а не только того или иного сражения».

Я бы согласился с этим безоговорочно, если бы точно знал, что именно имеет в виду известный историк и политолог.

Ведь создание независимой и непременно демократической оппозиции — навязчивая идея вообще всех отечественных политиков. И несть числа разного рода демократическим форумам, инициативам, декларациям и конгрессам. Но вот серьезного из этого пока ничего не получилось. Более того, «демократические» потуги набили оскомину у людей даже в политически активной Москве, не говоря о провинции.

Другое дело, если имеется в виду создание такой оппозиционной силы, которая смогла бы дорасти до серьезной демократической альтернативы сегодняшнему правительству. Это действительно желательно, но едва ли на это способны видные деятели «демократических» движений, уже не раз ставившие такую цель.

Значит, речь должна идти о совершенно новой генерации политических деятелей, в иерархии ценностей которых «доверие народов стояло бы несопоставимо выше любой борьбы с Центром» (выражение А.Янова) и при этом (добавим от себя) не забывалась бы такая ценность, как добросовестная и компетентная служба прозаическим интересам среднего человека. Не более того.

Но здесь встаёт вопрос о том, когда такая генерация объявится (вопрос времени) и, что ещё более важно, когда у общества появится в ней потребность?

Можно создавать сколько угодно оппозиций и альтернатив, в том числе и демократических, бороться за их признание и торжество, можно даже прийти к власти, но этим и ограничиться. Именно так сейчас и происходит, что заставляет многих мыслящих людей усомниться в готовности России к демократическим преобразованиям вообще.

Лев Тимофеев, например, уверенно пишет, что в России нет социальной основы для демократии, поскольку намеренно и расчетливо ей не дают возникнуть («Независимая газета» от 1.02.92). Замечание серьезное, но претензии по адресу государства и его правительства здесь едва ли уместны. Бюрократия монополисти-

ческого государства не может инициировать создание социальной базы против себя. Это был бы самоубийственный для нее шаг. Достаточно, что она породила либерального реформатора и долгое время его «терпела», понимая, что без той самой «социальной основы» реформатор ей не опасен.

Но претензии к другому лагерю, претендующему на роль «демократического», предъявить стоит. Ведь и Лев Тимофеев утверждает, что в сегодняшней России среднего класса нет, что его «планово и целенаправленно повсюду уничтожают». Таким образом, все неудачи списываются на отсутствие в России объективных для демократии факторов, на «исторический процесс», на «правительство» и «тоталитарное мышление», а вовсе не на свою собственную поистине куриную слепоту, не позволяющую избегать странных противоречий:

— во-первых, если средний класс повсюду уничтожают, значит, есть за что: он во многих местах имеется, он значителен, он опасен;

— во-вторых, если его уничтожают планово и целенаправленно, значит, твердо знают, где он и сколько его.

Почему же об этом «не знают» демократы? Почему не бросаются на его защиту с таким же рвением, с каким государство бросается на его удушение, но вместо этого утверждают, что его нет? (Тимофеев не единственный, кто так считает, недавно по телевидению об этом же говорил известный публицист Геннадий Лисичкин.)

Кто же, чёрт возьми, тогда работает в тысячах независимых банков и бирж, в сотнях тысяч кооперативов и малых предприятиях, акционерных обществах и СП, в частном секторе и в крестьянских хозяйствах?!

Новый, альтернативный сектор экономики насчитывает уже десятки миллионов людей и, несмотря на все трудности инфляционного периода, на фискальную политику всех правительств, обратную дорогу в структуры госсектора для себя отвергает. Люди здесь познали свободу, они стали гражданами, они трудятся, и у них что-то получается. Риторический вопрос о том, «дозрела ли Россия до демократии или нет», перед ними не стоит:

у них просто нет иного выбора. Само их существование — выстраданная демократическая альтернатива, которую с одной стороны «планомерно и целенаправленно» уничтожают, а с другой — высокомерно не замечают, утверждая, что таковой вообще нет.

Так, может, при создании еще одной «независимой демократической оппозиции» (если до этого дойдет дело) все же стоит обратить внимание на этот самый *средний слой* и органически соединиться с людьми свободного труда? Иначе ведь ничего с демократией не получится, разве что еще одна буря.

7 февраля 1992 г. г.Набережные Челны